

Т. Г. Цявловская

Записка к В. Ф. Вяземской

Вера Федоровна Вяземская, жена писателя Петра Андреевича Вяземского, была близким другом Пушкина.

С этой доброй, веселой женщиной он сразу подружился, познакомившись с ней летом 1824 года. Она привезла своих больных детей на морские купания в Одессу, когда он находился там в ссылке.

Пушкин стал бывать у нее ежедневно, поверял ей свои сердечные невзгоды. Будучи в ссылке уже в Михайловском, в октябре того же года он ответил на ее письмо из Одессы признаниями о тяжелых отношениях с отцом, жалобами на скуку и на тоску по Одессе.

В дальнейшем дружба их еще более укрепилась.

Разбирая в архиве письма неустановленных лиц к Вяземским, я увидела знакомый почерк, отличающийся редкой красотой, артистизмом, благородством, — почерк Пушкина...

Это была записка на французском языке. Подписи не было. Текст ее в печати не был известен.

Divine Princesse, je vous salue de tout mon coeur. De tout mon coeur, Pr<incesse> divine, je vous salue Princesse, je vous salue, divine de mon coeur etc¹.

(Божественная княгиня, кланяюсь вам от всего сердца От всего сердца, к<нягиня> божественная, кланяюсь вам. Княгиня, кланяюсь вам, божество моего сердца, и т д)

Последние слова — divine de mon coeur не описка Именно такой вариант естествен при этой игре в инверсию. Написав de t, Пушкин переделал t в m и закончил: mon coeur, заменив вариант, писавшийся по инерции: Princesse, je vous salue, divine, de tout mon coeur² — выражением, наполненным иным смыслом, — Princesse, je vous salue, divine de mon coeur³, — Пушкин назвал Вяземскую божеством своего сердца. Это было естественно для amitié amougeuse, полудружбы, полувлюбленности, которыми одно время были окрашены отношения Пушкина с В. Ф. Вяземской.

В тексте записки Пушкин перифразировал известные строки из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве». Журден просит своего учителя философии помочь ему составить записку, он хочет уронить ее у ног маркизы, в которую влюблен. «Так вот, что я хочу ей написать: «Прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви», но только нельзя ли это же самое сказать полубезнее, как-нибудь этак покрасивее выразиться?»

Учитель философии предлагает Журдену написать, что «пламя ее очей испепелило ему сердце», что он «день и ночь терпит из-за нее столь тяжкие...», но Журден обрывает его и повторяет сказанные им слова: «Прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви».

Учитель философии изощряется в перестановках слов Журдена: «От любви смерть мне сулят, прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза». Или: «Прекрасные ваши глаза от любви мне сулят, прекрасная маркиза, смерть». Или: «Смерть ваши прекрасные глаза, прекрасная маркиза, от любви мне сулят». Или: «Сулят мне прекрасные глаза ваши, прекрасная маркиза, смерть».

На вопрос Журдена: «какой же из всех этих способов лучший?» — учитель философии отвечает: «Тот, который вы избрали сами. Прекрасная маркиза, ваши пре-

В Ф Вяземская Рисунок
В Ф Бинемана, 1820 е годы

В Ф Вяземская Рисунок
А С Пушкина 1826 г

красные глаза сулят мне смерть от любви»⁴

Шутливой стилизацией текста классической комедии Пушкин в легкой непринужденной форме выразил Вяземской свои добрые чувства

Строки этой записки были набросаны на пакете, заменявшем в ту эпоху конверты. Письма посылались сложенными в таком роде, как сейчас в аптеке складывают пакетики с порошками. На главной средней части внешней поверхности, свободной от текста письма, писался адрес. Если же

письмо было большое и лист исписывался весь, то делалась — по той же системе — обертка, пакет, в который заворачивалось письмо

Выше французских строк пушкинской же рукой было написано: «Мужу». Слово это было зачеркнуто, и, видимо, перед отправкой, для того чтобы смягчить отсутствие письма Вере Федоровне (письмо посылалось Петру Андреевичу), Пушкин и набросал эти шутливые мадригальные строки.

Состоя в переписке с Вяземским, Пушкин его жене почти не писал. «Некогда мне

M. G. G. G.

*Divine Princesse, je vous
salue de tout mon cœur. De
tout mon cœur, R. divine, je
vous salue. Princesse, je
vous salue, divin de mon
cœur &c.*

Записка А. С. Пушкина
к В. Ф. Вяземской

писать княгине, — объяснял он как-то в письме Вяземскому из михайловской ссылки, — благодари ее за попечение, за укорины, даже за советы, ибо все носит отпечаток ее дружбы, для меня драгоценной»⁵.

Когда же была написана записка Пушкина В. Ф. Вяземской? Для определения времени ее написания текст не содержит никаких данных биографического характера.

Однако, судя по тону, записка могла быть написана в самые первые годы знакомства — в михайловский период или вскоре после возвращения из ссылки.

Приехав из деревни в Москву, Пушкин сразу появился в доме у Вяземских. «Пушкин, как метеор, промелькнул в моих глазах», — вспоминал на старости лет сын Вяземских, Павел Петрович. «Пушкин, Пушкин приехал», — раздалось по нашим детским, и все, дети, учителя, гувернантки — все бросилось в верхний этаж, в приемные комнаты взглянуть на героя дня. <...> Сильному впечатлению, произведенному приездом Пушкина, не говоря о магическом действии его стихов, появление которых всегда составляло событие в доме,

несомненно, много содействовала дружба Пушкина с моею матушкой, в Одессе, где часть нашего семейства провела лето в 1824 году. И детские комнаты, и девичья с 1824 года были неувыдаемым рассадником легенд о похождениях поэта на берегах Черного моря»⁶.

Возобновившаяся в Москве дружба Пушкина с Верой Федоровной отмечена в эту пору оттенком ухаживания, о чем свидетельствует письмо поэта к ней с дороги, спустя два дня после отъезда его из Москвы:

«Спешу, княгиня, послать вам поясы⁷. Вы видите, что мне представляется прекрасный случай написать вам мадригал по поводу пояса Венеры и т. п., но мадригал и чувства сделались одинаково смешны. Что сказать вам о моем путешествии? Оно продолжается при самых счастливых предзнаменованиях, за исключением отвратительной дороги и несносных ямщиков. Толчки, удары локтями и проч. очень беспокоят двух моих спутников, — я прошу у них извинения за вольность обращения, но когда приходится путешествовать

Vivri, mademoiselle, encore une lettre
 pour mon frere je vous supplie de
 la prendre sous votre protection.
 De grace, les plumes que vous avez eu
 la magnanimité de me laisser &
 que j'ai eu l'insolence d'accepter! Ne
 m'en veuillez pas

Записка А С Пушкина
 к А Н Вульфу

совместно, необходимо кое-что прощать друг другу. С. П.* — мой добрый гений, но другая — мой демон, это как нельзя более некстати смущает меня в моих поэтических и любовных размышлениях.

Прощайте, княгиня, — еду похоронить себя среди моих соседей. Молите бога за упокой моей души. Если вы удостоите прислать мне в Опочку небольшое письмо страницы в 4, — это будет с вашей стороны очень милым кокетством. — Вы, умеющая смастерить записочку лучше, чем покойная моя тетушка, — неужели же вы не проявите такой доброты? (NB Записка впредь будет синонимом музыки.) Итак, прощайте. Я у ваших ног и трясю вам руку на английский манер, поскольку вы ни за что не хотите, чтобы я вам ее целовал. Торжок. 3 ноября.

* Это само собою разумеется, не Сергей Пушкин (Прим. Пушкина). Он имел в виду Софью Федоровну Пушкину, свою однофамилицу, молодую девушку, в которую он влюбился в Москве и на которой хотел жениться.

Достаточно ли обиняков? Ради бога не давайте ключа к ним вашему супругу. Решительно встаю против этого»⁸.

Вера Федоровна отвечала ему:

«...Все ли еще добрый гений и демон сопутствуют вам? Думаю, что вы давно уже от них отделились. Кстати, вы так часто меняли предмет, что я уже не знаю, кто эта другая. Муж уверяет меня, будто я надеюсь, что это я сама. Да сохранит небо нас обоих от этого, — прежде всего я никак не хочу путешествовать вместе с вами, я слишком слаба и слишком стара, чтобы пускаться в дальний путь; я стала бы в полном смысле слова вашим злым гением, но я притязую на вашу дружбу, вы же, кажется, сбросили это ярмо, между тем вам совершенно необходимо ему подчиняться, дабы без возмущения выслушивать кое-какие истины»⁹.

И действительно, тон кокетливой игры вскоре отошел, и между Пушкиным и Вяземской установилась настоящая крепкая дружба: ей писал он о разномлвке с Гончаровыми, грозившей разрывом предстоя-

Рисунки А С Пушкина
1826 г. П А Вяземский
П И Пестель
С П Трубецкой
К Ф Рылеев
В Ф Вяземская

шего брака, ее пригласил быть посаженной матерью на его свадьбе, ей поведал о готовившейся им дуэли с Дантесом

Возвратимся к датированию новой записки Пушкина. Не поможет решению вопроса и рассмотрение бумаги, на которой она написана (Бумага, которой пользовался Пушкин детально изучена. Известны 258 сортов, бывших в его употреблении. Установлены хронологические границы пользования каждым сортом)¹⁰ Бумага новой записки лишена характерных признаков: нет на ней ни водяных знаков, ни вержировки — гладкая, простая, белая с желтым оттенком, лист неполный, так что и размер фабричного листа неясен.

Остается надежда, что прояснить датировку помогут особенности почерка нового

автографа. Хотя принято считать, что почерк взрослого Пушкина не менялся, но ведь он никогда не изучался (кроме лицейского периода)¹¹

В новом автографе обращает на себя внимание особенное начертание латинской прописной буквы Р, фигурное Трижды в пяти строках.

Пересмотрев все автографы Пушкина на французском языке (их оказалось более двухсот), я встретила подобные Р лишь в семнадцати рукописях. Впервые появляются они в 1825 году, когда их особенно много¹², изредка попадаются они и позднее¹³.

Не применяя этих прописных Р в черновиках, Пушкин употреблял их, снимая важные ему копии, в письмах к Бенкендорфу, к женщинам. Напрашивается вы-

вод, что эти фигурные Р свидетельствуют о старании, связанности, принужденности, желании нравиться.

Необычна и буква S. Эти своеобразные S появляются в почерке Пушкина также в 1825 году¹⁴.

Сочетаются же эти Р и S в автографах Пушкина неоднократно в 1825 году¹⁵, однажды в 1828 году, дважды в 1830 году и один раз в 1835 году¹⁶.

При датировании неизвестной записки к Вяземской 1835 и 1830 годы отпадают сразу — таким тоном Пушкин ей уже не писал.

И характер почерка новой записки, даже помимо отмеченных особенностей отдельных букв, заставляет отнести ее к 1825 году. Сходство почерка этого автографа с запиской к Ан. Н. Вульф от марта — мая 1825 года разительно.

А если это 1825 год, то только первые месяцы: после 24 марта Пушкин не стал бы писать Вере Федоровне в таком легкомысленном тоне. В этот день он получил от нее письмо о смерти ее шестилетнего сына Николеньки, с которым он любил играть в Одессе и по которому — по словам матери мальчика — он в Одессе «с ума сходил»¹⁷. В том же письме сообщала она и о тяжелой болезни других детей и об опасном заболевании мужа. Пушкин отвечал ей сердечными, трогательными словами¹⁸.

Единственной известной нам оказией из Михайловского в Москву в начале 1825 года был Иван Иванович Пущин, он провел у Пушкина 11 января. «Первый друг» Пушкина был и с Вяземскими в приятельских отношениях. Мы знаем, что он повез от Пушкина Вяземскому отрывки из «Цыган» и денежный долг Вере Федоровне¹⁹ (он задолжал ей, когда неожиданно высылался из Одессы).

По-видимому, и письмо и записка посылались в тот же день.

Тогда понятно слово «Мужу» на обертке письма, на обертке денег стояло, очевидно, «Жене».

А потом, спохватившись, что Вера Федоровна будет искать записку от него, Пушкин набросал ей эти шуточные строки,

зачеркнул слово «Мужу» и снял обертку с письма Петру Андреевичу.

Шаловливый тон записки к Вяземской объясняется приподнятым душевным состоянием, в которое привел Пушкина неожиданный приезд его старого друга в «поэта дом опальный» с тремя бутылками французского шампанского, которые Пущин взял ночью в Острове.

Письмо, о котором мы узнаем по надписи «Мужу», до нас не дошло, хотя письма Пушкина (и не только Пушкина) в архиве Вяземского бережно сохранены. Не пришлось ли ему уничтожить письмо после разгрома восстания 14 декабря? Не было ли оно крамольным?..

Вспомним, что день, проведенный у Пушкина Пущиным, был в жизни поэта особенным: впервые в деревенской ссылке мог он с распахнутой душой наговориться с близким другом, послушаться рассказов о тайном обществе, познакомиться с ходящим в рукописи «Горем от ума», прочитать понимающему человеку своих «Цыган», «бездну» эпиграмм.

Тут в разговоре могла зародиться или укрепиться мысль о составлении из этих эпиграмм, высмеивающих виднейшие фигуры правительства и самого Александра I, рукописного сборника²⁰. Друзья могли раз мечтаться о распространении потаенного сборника среди членов тайного общества. Или, в случае удачи со свержением царя, — о том, что пушкинский сборник политических эпиграмм и сатир мог бы стать первой книгой вольной русской печати...

В вечнопамятном дне 11 января нашла свое место и записка Пушкина к Вяземской. Так раскрылась и еще одна малозаметная деталь в медленно реставрируемой картине свидания двух друзей в ссылке в Михайловском.

